

НЕ УМЕЮ ХАЛТУРИТЬ

Он любимчик режиссеров и зрителей. Он и сам не только артист. Но и режиссер. А еще он создатель и директор единственного в мире музея Сергея Есенина. Именно Есенин и свел меня когда-то с Сергеем Никоненко. А потом были долгие разговоры по телефону, совместное участие во многих фестивалях.

Геннадий Норд

— Ты считаешь себя счастли-
чиком?

— В общем, да. Хотя экстрима в моей жизни хватало.

— Это ты о том, как в 2008 году заживо мог сгореть, когда твою дачу на Валдае подожгли бутылками с зажигательной смесью? Я через год выступал на Валдае. Следы этого нападения видел.

— Не только! И на съемках эпопеи «Освобождение» запросто мог погибнуть. Во время второго дубля, когда я пробежал под артиллерийским орудием, произошел самострел. Если бы дуло пушки было хоть на метр ближе, я бы сейчас с тобой не разговаривал. Я упал, потерял сознание. Повезли в больницу. Потом я на одно ухо частично оглох — оказалось, разбило барабанную перепонку...

И 26 июля 1969 года в Приэльбрусье на съемках фильма Говорухина «Белый взрыв» мы с Люсей Гурченко уже сидели в вертолете — должны были лететь на одну из горных вершин. Но решили, что сначала полетят Говорухин с оператором Васей Кирбижековым, инструктором и двумя ассистентами. Они полетели, и попали в серьезную аварию. Вертолет задел хвостом каменную морену — отлетели хвост, лопасти. Как он не взорвался, — это чудо! Все они, конечно, получили переломы, сильно побились, но остались живы. С тех пор Говорухин каждый год 26 июля праздновал свой «второй день рождения». Так что мы с Люсей запросто могли оказаться на их месте.

— Действительно, счастливчик!

— А если я скажу, что меня фашисты на руках нянчили, это как? Правда, я в бессознательном состоянии был — мне было два месяца от роду.

— Интересно!

— 21 июня 1941 года папа посадил нас с мамой в поезд и отправил к себе на ро-

С мамой

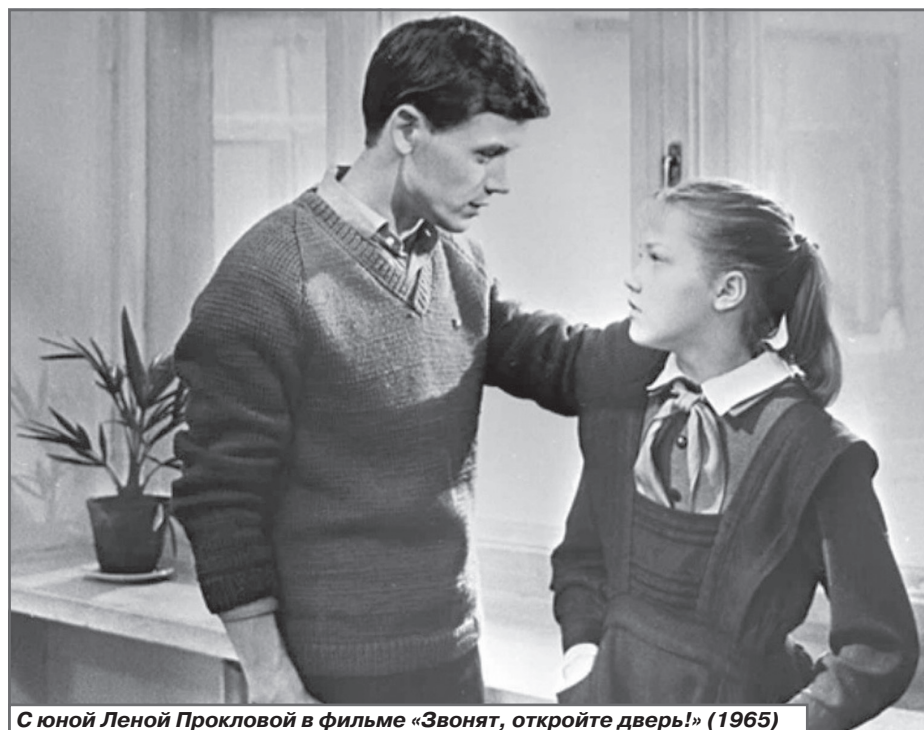
В детстве

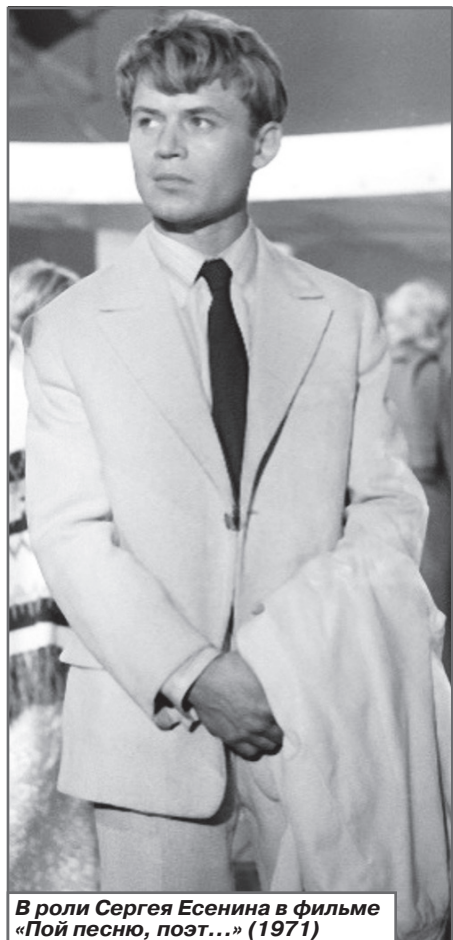
В фильме «Жизнь сначала» (1961), первая роль в кино

В фильме «Шурка выбирает море» (1963)

С юной Леной Прокловой в фильме «Звонят, откройте дверь!» (1965)

В роли Сергея Есенина в фильме «Пой песню, поэт...» (1971)

фильме «Пой песню, поэт...» (1971)

В фильме «Инспектор ГАИ» (1982)

понравился. Завоеватели пришли! Сначала всех гусей порезали, а кур не трогали — куры яйца несли. Не били — и на этом спасибо! Сами заняли дом, а всех нас выгнали в сарайку жить. Баба Таня с мамой сделали из бочки маленькую буржуйку, и мы в сарайке жили втроем.

Я этого не помню, естественно, но мне рассказывали, что меня они брали на руки и нянчили.

Мама моя — женщина отчаянная: весной 1942-го решила пробираться в Москву. С оккупированной-то территории, с младенцем. Шла через партизанские отряды, через линию фронта. Только в 1943 году мы добрались до Дубны, где жили наши родственники. Потом оказались в Рязаново — это рядом со Щербинкой, под Подольском. Но в Москву ее не пускали, несмотря на то, что у нее была справка от командира партизанского отряда. Там было написано, что она в такой-то срок находилась в партизанском отряде. «А до этого, где вы были? Будем проверять».

■ — Строго!

— Очень строго было! Москва наглухо

закрыта была. В Москву мы попали только в конце 44-го года, зимой. Отец на санках нас с мамой вез до станции Силикатная. Приехали в свою родную комнату в коммунальной квартире в Сивцевом Вражке, а там колотун страшный — не топили же. Только одна буржуйка топилась — у тети Груши и все ночевали у нее чуть ли не вповалку.

■ — Ты же — «арбатский», а послевоенный Арбат считался чуть ли не самым прилпатненным местом в Москве. С яркой уголовной романтикой, суровыми законами двора.

— Я запомнил другое: в наш двор вернулись фронтовики — еще мальчишки совсем, им было чуть за 20. На парад или праздник они еще ордена надевали, а в другие дни во двор выходили и в «расшибец» играли друг с другом на деньги. Еще — дети! Повоевали, а в игры не наигрались — не успели.

■ — Обычно у актеров послевоенного поколения было два пути: в тюрьму или в театраль-

■ ную студию. У тебя была такая дилемма?

— Конечно! Из моих 35 одноклассников человек десять прошли через тюрьмы. А я уже с 13 лет занимался в московском городском Доме пионеров в драмкружке. Одной из первых пьес, в которой я выходил на сцену, была сказка «По щучьему велению». Я играл царя, а Емелю — Лёня Нечаев, будущий режиссер, снявший прекрасные фильмы-сказки «Приключения Буратино», «Про Красную Шапочку».

■ — Сейчас с кем-нибудь из друзей детства общаешься?

— Десять лет назад готовили передачу обо мне, и я нашел телефон Шурки Пасынского. У него была кликуха — Паса, у меня — Никон. Шурка — круглый отличник был, умница. Сейчас — академик или профессор химии, преподает в МГУ, недавно книгу стихов издал. А вот я в школе не отличался хорошей успеваемостью. Чтобы закончить десять классов, мне

Окончание на с. 16

В фильме «Дети понедельника» (1997)

С Алексем Гуськовым в фильме «Классик» (1998)

С Лидией Федосеевой-Шукшиной

В фильме «Китайский сервиз» (1999)

Окончание. Начало на с. 15

даже пришлось идти в школу рабочей молодежи и устраиваться на работу — сначала кондуктором на автобусе, затем почтальоном.

— Это тогда ты подделывал контрамарки? Криминал!

— Какой же это криминал? Это, я считаю, даже святое дело! Очень хотелось спектакль посмотреть, а денег на билет не было. Однажды на полу в театре Маяковского я нашел пропуск на два лица, который кто-то обронил. Там стояла дата, место и — подпись. Я понял: научись я так писать, смогу ходить в театр каждый день. Мне тогда было лет 14. Ну и решил! Дома вырезал точно такой же кусок ватмана, нашел тонкое раздваивающееся перо, точно такие же синие чернила и научился один в один копировать почерк, как потом выяснилось, администратора театра. Билетеры не глядя пропускали, настолько «липа» у меня получилась точная.

А потом я совсем «обнаглел»: друзей, знакомых стал водить. Иногда со мной чуть ли не десять человек проходили. Я был в этом смысле «больной» ребенок. Обожаю театр! Видел некоторые постановки не по одному, а по двадцать раз. Особенно любил ходить на спектакли «Гостиница «Астория», «Гамлет». Шикарные романтические костюмы, мощнейшие декорации. Потрясающе!

— Твои педагоги во ВГИКе Сергей Герасимов и Тамара Макарова свой послевоенный курс называли «молодогвардейцами», следующий — «Рыбников — Ларионова», затем — «Гурченко — Кириенко». А твой, несмотря на то, что там учились Жариков, Польских, Болотова, Прохоренко, Лужина, они называли — «Губенко — Никоненко». Вы с Николаем Губенко были их любимчиками?

— Спроси любого ученика Герасимова, и тебе скажут: «Герасимов меня любил больше всех!»

Сергей Аполлинарьевич, как великий педагог и психолог, умел это ощущение внушить — каждый считал себя его любимчиком.

— Говорят, один из его уроков был «урок скромности» — Герасимов учил как не зазвездиться.

— Он не то чтобы учил. Если кто-то на курсе только начинал вести себя как-то неправильно, он иронизировал над этим так, что тем стыдно было. «Смотрите не тресните от собственной значимости!» То есть Герасимов сразу ставил «звезду» на место.

— У тебя в кино более 200 ролей. Есть среди них самые дорогие?

— В 1967 году Сергей Аполлинарьевич

Свадьба

снял меня в одной из главных ролей в своем фильме «Журналист». Картина получилась очень мощная, главный приз завоевала на фестивале. Вот там я почувствовал, что, как актер, что-то уже умею. Очень для меня важны работы в фильмах «Красная площадь», «Парад планет», «Шестой», «Зимний вечер в Гаграх», «Завтра была война».

А как режиссер я очень люблю свою картину «А поутру они проснулись» по рассказам Шукшина, снятую в начале 2000-х. Я очень хотел это сделать, ведь благодаря Василию Макаровичу я стал режиссером.

— Мне очень нравятся твои роли в более поздних картинах — «Классик» и «Китайский сервиз».

— А там всё на редкость удачно сложилось — и драматургия, и режиссура, и актерский ансамбль. Самое смешное, что в «Китайском сервизе» все на экране играют в покер, но до съемок никто, включая режиссера, не знал толком, что это такое. А я был заядлый покерист, и мне пришлось объяснить им правила игры и всякие нюансы. Раньше-то я был большой любитель карт. Играл во всё! И бывало, выигрывал крупно. Помню, у кинохудожника Феликса Ростоцкого я в покер выиграл довольно приличные деньги — по тем временам на них машину можно было купить. Но долг простил ему, сказал:

— Накрой стол в «Метрополе», и разойдемся.

Ох, как он обрадовался! Но именно с тех пор, с 1973 года, я в азартные игры не играю — «завязал».

— Почему?

— Игровой азарт напугал. Я понял, что этот пакостный адреналин может быть сильнее любого наркотика.

— А со съемок уходил, хлопнув дверью?

— Нет, такого никогда не было. Другое дело, что иногда напихаешь кому надо как следует! Как уйти со съемок? Разве виноваты люди, которые с тобой бок о бок работают? Виноват какой-нибудь один администратор, если это касается быта.

Пожалуй, единственный неприятный случай был в Вене. Женя Стычкин, Коля Бурляев и я приехали сниматься в одном австрийском фильме. Поселили нас в отеле в небольшой австрийской деревне. А рядом оживленная автомагистраль: машины круглые сутки — туда, сюда. Если окна — на дорогу, заснуть вообще невозможно. На третий день Женя попросил режиссера переселить его в номер с окнами на тихую сторону.

Режиссер заявил:

— Я не терплю капризы артистов! Вы у меня сниматься не будете!

— Круто!

— Я как это услышал, говорю переводчику:

— Не хера себе! Переведи-ка ему: если ты такого артиста как Женя Стычкин снимаешь с роли за то, что он обратился с нормальной профессиональной просьбой, то и я у тебя не буду сниматься!

Вслед и Коля Бурляев говорит:

— Я тоже не буду.

Собрали все трое вещи и — в Вену! Зато перед вылетом город посмотрели, поели пирожных в знаменитой кондитерской «Захер». Жаль только, что в оперу на «Тоску» не сходили — ближайший спектакль был только через два дня.

— За свою долгую карьеру ты не вошел ни в один «черный список», был востребован режиссерами, любим зрителями. В чем секрет?

— Работай честно — вот и всё. Любой роли надо отдать всего себя, даже, если потребуется, через «не могу». Другое дело, ты спрашивал, я бастовал или не бастовал? Одного режиссера пришлось ударить.

— За что?

— 1974 год. Незадолго до смерти Василия Макаровича Шукшина собирался снимать фильм о Стеньке Разине, и свой сценарий к картине «Земляки» отдал своему однокурснику режиссеру Вале Виноградову. А тот недавно за хулиганство отсидел года полтора-два. Вернулся. Ему никто бы снимать не дал, но Шукшин сказал:

— Валя, бери сценарий, ставь свою фамилию. Я позвоню, тебя примут на киностудию.

И действительно Виноградову разрешили снимать. Но раз фортуна тебе улыбнулась — ты соответствуй хоть как-нибудь! А он то ли мстительный был, то ли чересчур обиженный. Или может, жаба душила — ведь его однокурсники — тот же Шукшин, Тарковский, Митта — уже вовсю прекрасное кино снимали.

Я его перестал уважать еще раньше, когда на съемках в Нижнем Новгороде Виноградов попытался изнасиловать героиню — актрису Галю Ненашеву. Покарябал ей грудь, порвал платье, Галя еле вырвалась. Я еще тогда хотел его отлупить.

А здесь представь ситуацию: на съемку важной сцены прилетел Влад Заманский. Он приехал всего на один день, причем, добирался двумя пароходами, самолетом, поездом. А Виноградов вдруг начал капризничать:

— Я эту сцену снимать не буду. Я — голодный!

Покормили — опять отменяет смену. Я встал у него над душой: как так? Тут он вообще ахинею понес:

— Мне понравилась девочка в съемоч-

С супругой Екатериной Ворониной

С женой и внуком

ной группе. Если поладим с ней, тогда снимем.

Я администратору говорю:

— Ну-ка подними его.

Тот поднял. Я ему в печень — бах!

— Ты вообще не имеешь морального права снимать такой материал шукшинский!

Я сам развел всю ту мизансцену с Владом Заманским, а Виноградову сказал:

— Говори «Мотор» и больше, гад, ни слова!

Он:

— Мотор!

Хотя не без способностей был режиссер, но вот... подонок!

— Ты как-то сказал: «Об одном жалею — что на моей раскладушке не оставили автографы, те, кто на ней ночевал: Николай Губенко, Василий Шукшин, Геннадий Шпаликов, Эдуард Стрельцов...»

— Не только... И Володя Качан, и Вадик Спиридонов, и прочие-прочие. Богемная жизнь у меня дома на Сивцевом Вражке была замечательной. Гитара, закуска, выпивка, все молодые, веселые. Кто-то зависал до утра, кто-то на несколько дней. Время за полночь, куда идти? Ложись! И жили мы очень весело...

Я ведь с такими людьми встречался! С Арамом Ильичом Хачатуряном за одним столом сидели и выпивали, это понятно — его сын Карен учился со мной на курсе, и мы приходили к нему в гости. Но я однажды и с Шостаковичем рюмку водки выпил. Это музыканты великие!

А со сколькими великими артистами меня судьба сводила. Снимался с Николаем Гриценко, Олегом Ефремовым, Олегом Табаковым. Табаков в моих двух картинах снимался. Грандиозные совершенно люди!

— Кстати, у тебя в юности была слава любвеобильного мужчины. Тем не менее, свою будущую жену — красавицу Катю Воронину — ты брал штурмом. Как определил, что именно она — твоя судьба?

— Екатерина самая недоступная была! Я во ВГИКе учился уже на режиссера, а она — на курсе Бориса Бабочкина — на актерском. Красавица была писаная, кто только к ней не подкатывал. Но нравом очень строгая — из старообрядческой семьи. Крепость! А мне всегда нравились недоступные девочки. Целый год мурыжила! И стихи читал, и в театры приглашал. Ни в какую! Но через год не устояла-таки перед моим обаянием. Получилось очень символично: мы сыграли свадьбу как раз 14 июля — в День взятия Бастилии.

— Станислав Говорухин на вопрос о секретах своей физической формы честно признавался: «Выпиваю, курю, ем всё, что нравится. Вот и весь мой “здоровый” образ жизни». Если переадресовать этот же вопрос тебе?

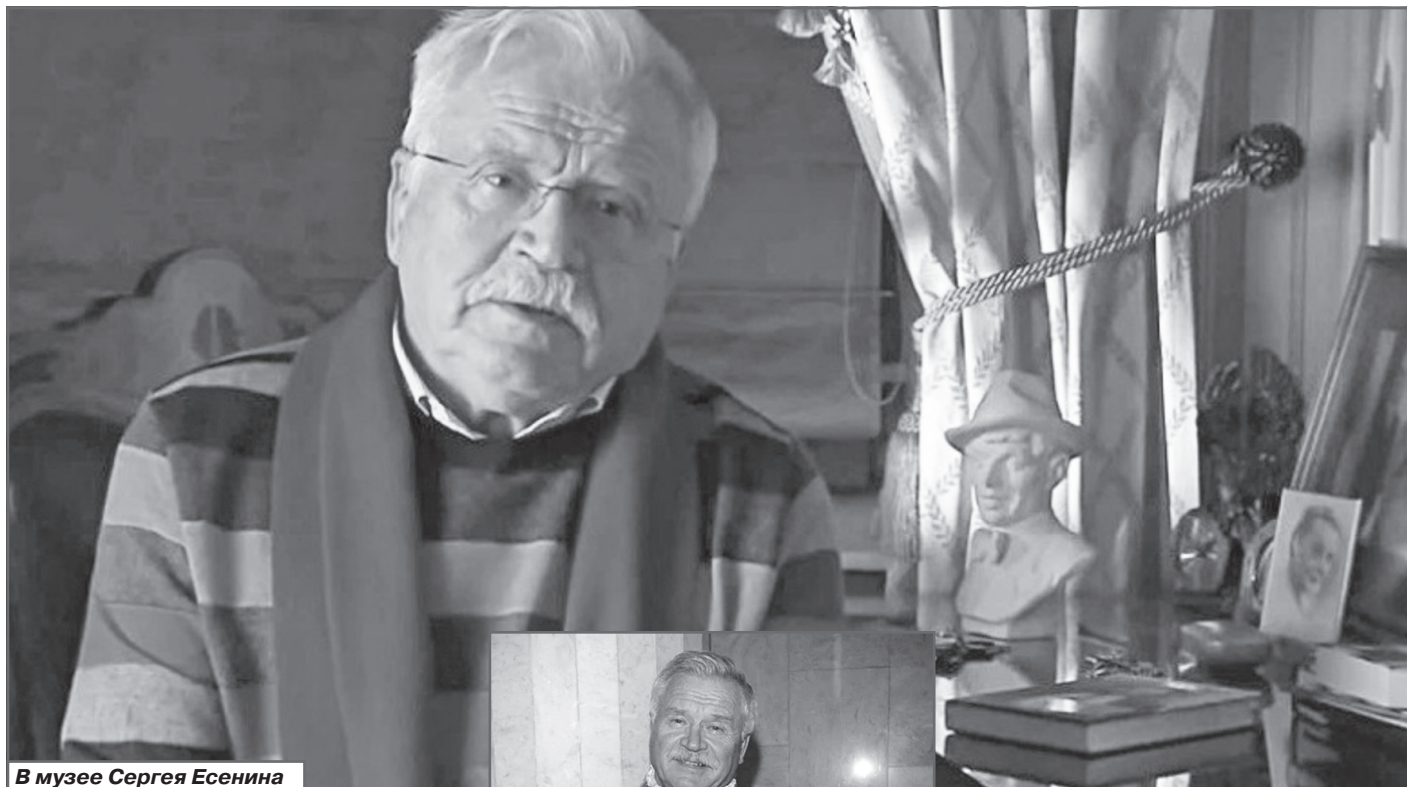
— Секреты физической формы? К счастью, природа подарила мне хороший «обмен вещей», как говорил «всесоюзная баба Яга» Георгий Францевич Милляр. Бывает, и выпиваю. Но никогда не злоупотреблял этим делом. Просто я рано понял, что у слона и у соловья — разные дозы.

— Ты родился в рабочей семье?

— Да, папа работал шофером, а мама стеклодуем на заводе. А назвали меня в честь поэта Сергея Есенина, стихи которого любила мама. Кстати, через много лет я сыграл поэта на сцене и в кино.

— А творческие способности, когда проявились?

— С детских лет, чем очень удивил родителей. Я освоил аккордеон, неплохо пел со сцены на школьных праздниках. А вот по половине предметов не успевал. В 13 лет начал посещать драмкружок и

В музее Сергея Есенина

студию художественного слова. Правда, привела меня туда не любовь к театру, а первое юношеское увлечение. Мне нравилась девочка из другой школы, и занятия в драмкружке были единственной возможностью видаться с ней.

А потом я был в пионерлагере, там меня заметили, позвали сначала на небольшую роль. А потом, в 1954 году отмечали 50 лет, как ушел из жизни Антон Павлович Чехов, ставили пьесу «Юбилей», где я сыграл старика Хирина, бухгалтера. Ну, и после этой роли мне подарили большой торт. Я, мальчишка, его еле-еле держал в руках, он такой тяжелый был! И на нем кремом было написано: «Лучшему артисту лагеря».

— Это была твоя первая награда?

— Да, я поделился им со многими и с той девочкой, которая мне очень нравилась. Она занималась в драмкружке в Москве, и я пошел за ней, она ушла, а я вот задержался.

Но так или иначе актерская игра все больше увлекала. Сама судьба подталкивала к будущей профессии.

А в дневнике красовались сплошные двойки. В итоге школу я так и не закончил, а программу десятого класса осваивал уже в школе рабочей молодежи.

Получив долгожданный аттестат, отправился покорять театральные училища.

— Трудности с поступлением в театральное училище были?

— Были, конечно. Абитуриентами ходили из училища в училище, поступали везде. Тогда мы все перезнакомились и даже вечерами ходили в шашлычку с Олегом Далем и Виктором Павловым. Они, кстати, вдвоем поступили на курс к Анненкову в Щепкинское училище. Там еще учились два замечательных актера — Виталий Соломин и Миша Кононов.

А меня четыре театральные ВУЗа не взяли, и пришлось мне поехать далеко от дома во Всесоюзный государственный институт кинематографии. Через два месяца после поступления я был очень благодарен четырем театральным ВУЗам, которые меня не взяли. Я поступил в мастерскую самого-самого-самого Герасимова.

— Если вспоминать тот период и тот звездный курс, где были и Галина Польских, и Жанна Прохоренко, и Жариков — это что? Какое-то чутье у мастера на звезд?

— Да, думаю да, у Герасимова было чутье. Это удивительно, как он выбирал актеров. Хотя, по секрету скажу, что он не совсем был согласен с Тamarой Федоровной, чтобы меня взяли на курс. Это я понял лишь позже, я был такой уже от-

штампованный Актёр Актёрыч. Может быть, это мешало... но все-таки взяли, Тамара Федоровна была за меня горой, и я даже был в нее немножко влюблен. Я ждал прихода, я помню все ее платья, даже запах духов.

— Еще учась во ВГИКе ты сыграл роль о которой мечтают все артисты — Гамлета.

— С этим повезло. Хотя по внешним параметрам я уступал многим, всегда обладал довольно хрупким телосложением, но выигрывал за счет своей самоотдачи.

Я халтурить не умею нигде. Еще в молодости это у меня вошло в привычку. Когда снимался у других режиссеров, знал, что мой мастер Сергей Аполлинариевич Герасимов обязательно посмотрит. А что он скажет? Надо сказать, что он во всем требовал органики. Можно было любую эксцентрику допустить, считал он, но всё должно быть органично. И действительно, сегодня многие артисты уверяют: «Я там так сыграл!» А я вижу, что он играет. Но я не должен этого видеть. Есть такое хорошее латинское изречение: «Искусство — это убить искусство». Или по-другому: искусство — это убить искусственность.

— Хочу спросить о твоей любви к Есенину. Дело в том, что даже сейчас можно сказать, что в том образе — белокурым с волнистыми волосами — ты похож на великого русского поэта. И я знаю, что ты особенно к нему относишься. Как так сложилось? Почему Есенин? Почему не Пушкин? Не Лермонтов?

— Ну, я же не похож на Пушкина или Лермонтова! В ту пору мой большой друг Геннадий Шпаликов, известный драматург, привел меня буквально за руку на пробы к Сергею Урусевскому. Пробы уже шли во всю, пробовались и Олег Табаков, и Олег Видов, и отец Сергея Безрукова — Виталий, который, признаюсь, напоминал Есенина. Но на худсовете режиссер, редактор и художественный руководитель Михаил Ильич Ромм сказал:

— Послушайте! Но я же только что видел Есенина! Вот он!

И показал на меня, отметив, что я выгляжу как две капли воды.

После этой картины меня не отпускает Есенин. Он увлек меня, я просто утонул в его жизни, в его поэзии.

— Ты создал музей Есенина...

— В 1994 году решил организовать в Москве музей, посвященный Есенину. Долго искал подходящее место, пока не наткнулся на записи о доме на углу Сивцева Вражка и Денежного переулка, в котором когда-то жила первая гражданская жена поэта Анна Изряднова. Долгое время она проживала здесь вместе с сыном Юрием, который был расстрелян в 1937 году. В той же квартире под номером 14 с октября 1938 по апрель 1939 года жила мать поэта Татьяна Федоровна. Сам Есенин неоднократно бывал в этой квартире, там же он сжег свои рукописи в сентябре 1925 года перед отъездом в Ленинград, где его подстерегала смерть.

Каково же было мое удивление, когда я взглянул на номер дома и понял, что это то самое здание, в котором я родился и прожил всю жизнь! В тот момент было принято окончательное решение: музей будет здесь.

Но работа предстояла нелегкая. Квартира находилась в ужасном состоянии: полы прогнили, повсюду сновали крысы, в комнатах часто ночевали бомжи.

— Но ты сумел вернуть легендарной квартире былой облик и создать там Есенинский культурный центр?

— При помощи моей жены. Мы провели восстановительные работы, собрали большое количество экспонатов, оформили экспозицию, для всех желающих организовали экскурсии.

— Ты сам являешься директором музея?

— Нет. Официальным исполнительным директором центра в настоящее время является моя жена, актриса Екатерина Воронина.

— Сколько у тебя ролей в кино?

— По-моему, больше двухсот сорока.

— Как и многие актеры с богатым опытом съемок, ты реализовал себя в режиссуре.

— Да, на моем счету около двадцати полнометражных фильмов. Наиболее известные из них — «Трын-трава», «А поутру они проснулись», «Хочу в Америку» и «Семьянин». А еще я и сценарии пишу. По моим сценариям сняты фильмы «Птицы над городом», «Цыганское счастье», «Люблю. Жду. Лена» и комедия «Хочу вашего мужа».

— Все эти фильмы получили самую высокую оценку зрителей.

— Так надо просто честно делать свое дело. Я же говорил, что не умею халтурить.